

СИСТЕМА ТЕРМИНОВ РОДСТВА И СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ У ИНГУШЕЙ

ТР ингушей, в отличие от других народов Кавказа, до сих пор не получила систематического описания. К этой теме обращались лингвисты, рассматривая ТР как часть лексики, и этнологи, поскольку группировка ТР в определенную систему отражает брачные и семейные нормы и в целом родственную организацию того или иного общества, выявляя особенности этнокультурного развития и этнические связи.

В первой трети XX в. к этой теме обратился Н.Ф. Яковлев в своем капитальном труде «Ингуши» [1925а]. Несмотря на то что СР он уделил небольшое внимание, она стала одной из первых работ Н.Ф. Яковлева, посвященных лексике родства [1925б; 1930], позже к этой теме обратились Ю.Д. Дешериев [1963], И.Ю. Алироев [1972], А.С. Куркиев [1986], Э.Г. Оздоева [2007] и др. Этнологические аспекты терминологии родства были в разной степени затронуты в трудах В.Н. Акимова [1888], Ч. Ахриева [1878], Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе [1968], Н.В. Джавахадзе [1968], В.Дж. Итониашвили [1968], Ф. Кудусовой [1991], Б.И. Арсамакова [2003], Х.С.-Г. Мальсагова [2004], З.М.-Т. Дзараховой [2010] и др. Однако все эти публикации не дают целостной картины, и данная статья имеет своей целью частично восполнить существующий пробел.

На сегодняшний день одним из самых дискуссионных в традиционной социальной организации ингушей является понятие *тайп*. Что же представляет собой *тайп*? Н.Ф. Яковлев, М.А. Мамакаев и др. считают *тайп* родовой организацией. Б.И. Арсамаков полагает, что «исторические корни традиционных ингушских родовых имен — *тайпов* — связаны с топонимией Горной Ингушетии, точнее, с ойконимией, т.е. с названиями аулов, и не отражают кровнородственных связей» [Арсамаков 2003: 14]. Автор отмечает, что в условиях Горной Ингушетии, когда население буквально задыхалось от малоземелья, каждый член общества был строго привязан к тому земельному наделу, которым владел его аул или сельская община. Другими словами, ингуши были привязаны к конкретному месту жительства, и по

истечении определенного времени географические наименования с суффиксом *-хой-*, генерированным, по нашему мнению, от глагола *ха* (осесть) и суффикса принадлежности *-ой* (Баркенхой, Леймой и т.д.), стали восприниматься как тайповые имена, которые постепенно обрастали мифами и легендами и прочно закреплялись в повседневной жизни новых поколений.

Тезис о двух видах родства — общинном и семейном — на современном этапе прочно вошел в научный оборот. Н.А. Бутинов в своем исследовании экзогенного родства привел небольшой обзор трудов зарубежных исследователей, посвященных поднятой проблематике. Те, кто подчеркивал важную роль локального принципа, добавляли: дело не столько в общей резиденции, сколько в том, что члены общины совместно трудятся, помогают друг другу, зависят друг от друга. Именно это и создает общинное родство [Бутинов 1999: 96]. Вышеизложенные принципы характерны и для теории Б.И. Арсамакова и соответствуют современной СТР ингушей.

Род и терминология родства. В традиционном ингушском обществе счет родства определяется по отцовской линии, по которой наследуются родовая принадлежность — *тайп*, а также фамилия — *тайпан цӀи*. Каждый *тайп* выводит себя от определенного предка, имя которого известно всем членам рода до 8–10-го поколения и дальше. Члены одного рода считаются «братьями» — *вежарий* и «сестрами» — *йижарий*. В результате увеличения численности своих членов *тайп* начинает постепенно дробиться, образуя новые ветви — *вяры*. Например, в результате дробления *тайпа* Барханой образовались новые фамилии: Акиевы, Альтимировы, Алхазырговы, Бархановы, Ганижевы, Гасаевы, Долтмурзиевы, Дзязиковы и т.д. [Арсамаков 2003: 14]. Образовавшаяся ветвь дает начало новой фамилии. Наиболее наглядно это можно проиллюстрировать на примере горного аула Таргим, где проживали представители разных *тайпов*, которые назывались по имени главы семьи с добавлением ТР *ваьр* (дословно «породивший») или *дорога*, ведущие свое начало — *наькъан*. Например: Чопа-наькъан, Горбак-наькъан, Ганыж-наькъан и др. Таким образом, ТР *наькъан* относится ко всем семьям, имеющим единого фамильного предка: Арсамак-наькъан — потомки Арсамака, Чахки-наькъан — потомки Чахки и т.д. [Там же].

Фамилию меняют обычно сами родственники еще при жизни того, «чье имя дает начало фамильному прозвищу; они делают

это для отличия себя от других однофамильцев» [Далгат 1929: 308]. К изменению фамилии в некоторых случаях прибегают и семьи, находящиеся в кровной вражде, дабы ввести кровника в заблуждение [Харадзе, Робакидзе 1968: 192].

Необходимо отметить, что среди ингушей встречаются одинаковые фамилии у представителей разных тайпов. Это происходит потому, что ингуши имеют одинаковые имена, а при делении фамилии новая ветвь происходит непосредственно от эпонима [Итониашвили 1968: 221]. Например, фамилия Албаков встречается у разных тайпов — Дзуматовых, Барахоевых, Хамхоевых, Тумгоевых [Мальсагов 2004: 10, 13, 29]. Вместе с тем это не вызывает путаницы, так как все ингуши знают, к какому роду они относятся, и легко могут идентифицировать свою принадлежность к тому или иному *тайпу*.

Род (*тайн*) и фамилия являлись и являются действенными структурными звеньями ингушского общества. Все, кто находится вне *тайна*, — чужие, они не являются родственниками для тех лиц, которые входят в состав *тайна*. «Между двумя *тайпами* нет ничего общего, связующего, кроме разве общности языка, соседских отношений и племенной связи» [Далгат 1934: 26]. Однако внутри *тайна*, в котором насчитывается 500–600 человек, степень родства у всех различная. Все однофамильцы имеют близких родственников — *кхоачара гаргара нах*, родственников одной крови — *цхъа цийй дола гаргара нах* и дальних родственников — *хийра гаргара нах*. Близкие родственники связаны между собой семейным родством. К числу последних относятся родные и двоюродные дедушки — *дади* и бабушки — *нани*, родители — *да-нана*, дети — *бераиш*, дяди — *воти*, тети по отцу — *дяци*, по матери — *няци*, родные братья — *вежарий*, сестры — *ийжарий*, двоюродные братья по отцу — *дя веший къунгаиш*, внуки от сына — *вилый воI*, от дочери — *ийй йоI*. Особо нужно отметить, что в ингушской СР существует термин, обозначающий детей и внуков сестер независимо от пола: соответственно *шучий* и *мохчий*. Этот термин обозначает потомство родных и коллатеральных сестер, один из которых — *шучий* — обозначает первое поколение родных и коллатеральных сестер, т.е. детей, а второй — *мохчий* — следующее их поколение, т.е. внуков родных и коллатеральных сестер [Джавахадзе 1968: 229].

Родственники одной крови — *цхъа цийй дола гаргара нах*, отец — *да*, мать — *нана*, отсюда и термин *да-нана* — родители,

где вначале ставится «отец» — «*да*», потому что он глава семьи, затем «мать» — *нана*. После родителей братья — *вежарий* и сестры — *йжарий* — самые близкие родственники, причем брат ближе, нежели сестра. Далее дети — *бер* не только собственные, но и вообще (мн.ч. *бераши*); ребенок женского пола — *се бер*, *йшиг*, ребенок мужского пола — *борша бер* или *къаьнк*. В ингушской СР единокровные братья и сестры считаются ближе единоутробных. Такие ТР, как отец — *да*, мать — *нана*, брат — *воша*, сестра — *йшша*, сын — *воI*, дочь — *йоI*, дают ингушу возможность выразить следующие понятия: внук — *вилй воI* (дословно ‘сын сына’), внучка — *йилй йоI* (‘дочь дочери’), дед — *дада* (‘отец отца’) и т.д.

В ингушском языке для обозначения понятия «отец» используются термины *да*, *дада*, *воти*, *дади*. Для обозначения родства со стороны отца имеется термин «*даьхой*», который относится к каждому родственнику из отцовского рода. Кроме того, есть слово *даьй* — ‘отцы’, что означает отцовскую родню, предков, т.е. родство по отцовской восходящей линии. Слово *да* в значении ‘отец’ в ингушском языке легко вступает в парные словосочетания: *даи-нанеи* — ‘отец с матерью’ (родители); *даи-вои* — ‘отец с сыном’; *даи-йои* — ‘отец с дочерью’, *даьйи-бераши* — ‘отцы и дети’. С корневым словом *да* связан целый ряд производных ТР: *даьда* — ‘дедушка’, *устда* — ‘тесть’, *маьрда* — ‘свекор’ [Оздоева 2007: 27].

Для обозначения родства со стороны матери имеется термин *ноаньхой*, который относится к каждому родственнику по материнской линии. В целом родство по материнской линии еще обозначается как *наьна че* (дословно ‘из одного живота’). Показательно, что у папуасов-бонгу термин «родство» также происходит от слова *мине* (‘живот’) [Бутинов 1999: 82]. Материнский род, как и отцовский, имеет важное значение для ингушей. При выборе невесты всегда спрашивают, кто ее мать, бабушка. Существует даже поговорка: «*Хьана шура йшай*» (‘Чье молоко ела’).

Дядя и по отцу, и по матери может обозначаться одним термином *воти*. Но чаще всего употребляют этот термин с именем собственным. Например: *воти Иса*, *воти Умар*, *воти Алихан*. В тех случаях, когда необходимо указать степень родства по отцу, говорят *даь воша*, по матери — *наьна воша*. Форма обращения к тете по отцу — *даьци*, по матери — *наьци*. Обращение

может быть и с добавлением собственного имени — *наьци* Мадина, Марем и т.д. А когда возникает необходимость, указывают степень родства по матери — *наьна йши*, по отцу — *даь йши*. В разговорной речи употребление подобных сочетаний вместо соответствующих ТР обусловлено желанием говорящего подчеркнуть, о каком родственнике идет речь, т.е. о родстве по линии отца или по линии матери.

Дальними родственниками — *хийра гаргара нах* — ингуши считают всех родственников дальше трех поколений, как по отцу, так и по матери.

Чтобы лучше понять существующую СР ингушей, нужно обратиться к их семейному быту XIX–XX вв.

Н.Н. Харузин, посетивший ингушские районы в 1886 г., встречал семьи, в которых насчитывалось до десяти взрослых мужчин, а в ауле Койрах Мецхельского общества, по его данным, совместно проживали 27 родственников. Однако чаще встречалось иное: родственники уже не жили сообща, каждая семья имела собственный двор, и женатый сын проживал отдельно от родителей, но владел общей с отцом землей [Харузин 1888: 86]. Схожие данные о семьях, состоявших из нескольких дворов, объединенных общей системой внутрисемейных отношений, приводил Б. Далгат и в качестве примера упоминал семью Местоевых, в которой насчитывалось 40 человек [Далгат 1929: 38]. Для общественного быта ингушей были характерны большая семья и основанная на ней патронимия, где членами неразделенного родственного объединения являлись родные и коллатеральные братья и их жены, занятые в общей хозяйственной жизни семьи.

Такую семью, в которой под одной кровлей проживали несколько поколений, называли «вместе проживающие братья» — *цъьан баха вежарш* или же «неразделенные братья» — *буббаьннабоаца вежарий*. Всех членов семьи называли *дезал*, все потомство — *тлехье*. Главой дома являлся отец — *цен да* (дословно ‘хозяин дома’) и хозяйкой — *цен нана*. Чаще всего распад большой семьи в ингушском обществе наступал после смерти родителей. Однако по желанию женатых сыновей раздел мог произойти и при жизни родителей. Для этого собирали почетных старейшин, знающих досконально местные адаты и шариат, способных объективно оценить сложившуюся ситуацию [Далгат 1935: 76]. Ф.И. Леонтович пишет, что на домашнее

имущество отец и сыновья имеют равные права, и последние могут заставить первого, когда им вздумается, делиться с ними, по адагу каждому из них предоставляется одинаковая доля с отцом [Леонтович 1882: 112]. Отобратить надел сына отец не мог. Если же раздела требовал один сын, то все имущество делили на равные доли между всеми взрослыми мужчинами; потребовавшему раздела выделяли его долю, а прочие доли оставались в совместном пользовании остальных членов семьи [Далгат 1929: 328].

Этимология фразеологизма *буввала* — ‘выделиться имуществом из семьи’ — восходит к выражению, которое можно перевести как ‘осиротиться’ (*буо* — ‘сирота’, *вала* — ‘отделиться, открепиться, отсоединиться’). Отделившаяся семья образывала самостоятельную хозяйственную единицу. Это приводило не только к изменению структуры бывшей большой семьи, но и к трансформации функций ее членов. Прежде всего менялись положение супругов и их детей, взаимоотношения членов семьи и распределение обязанностей между ними. Новый *цен да* приобретал право единоличного решения семейных вопросов. Вместе с тем он брал на себя ответственность за все, что происходит в его семье. Заметно изменялось положение новой хозяйки дома *цен нана*. На ее плечи ложились многие функции и обязанности, прежде выполнявшиеся ее свекровью — *мяр нана* [Кудусова-Долакова 2005: 45–46].

Для понимания некоторых ТР необходимо обратиться к семейно-брачным отношениям ингушей, ведь кровное родство начинается с семьи, мужа и жены, со связи по браку и появления детей.

Ограничения семейно-брачных отношений. В ингушской среде между членами одного рода не допускаются брачные связи. Согласно принципу экзогамии ингуши накладывают вето на женитьбу не только на однофамилице, но и на женщинах из родственных фамилий. Б.К. Далгат отмечал, что брак двух родных братьев на двух родных сестрах не допускается, как и женитьба родного дяди на племяннице, брат не может жениться на девушке из семьи, откуда жена брата; братья жены также не могут взять жен из семьи ее мужа, а из семьи других, более отдаленных родственников могут. «Древний адат запрещает ингушу жениться на всех его родственниках, поэтому, если строго соблюдать это запрещение, ингушу нельзя жениться, во-

первых, на всех своих фамильных сестрах, т.е. на всех женщинах из фамилий отца и матери. Кроме того, нельзя жениться на двоюродных и троюродных сестрах, происходящих от родных бабки или прабабки (по женским линиям в первом поколении), т.е. на “шучи” и “мохчи”, как говорят ингуши, и на фамильных племянниках и их потомках до трех поколений включительно, хотя бы все они носили чужие фамилии» [Яковлев 1925а: 76].

Существовали и брачные запреты между мужчиной и женщиной, имевшей непосредственное отношение к его рождению: повитухой — *бер хыйца кхалсаг* или *бер нанальг*, кормилицей — *накхяхьекар* и женщиной, дававшей имя новорожденному, — *ци тилар*. Кроме того, женщина в случае развода не могла выйти замуж за приятеля жениха — *кульг ляцар*, выведившего ее, невесту, во время свадьбы. Родство, возникающее в результате прохождения обряда побратимства — *вошал* и посестримства — *хетта йишал (неш)*, тоже было препятствием для брака — породнившиеся семьи не могли устанавливать матримониальные связи [Харузин 1888: 122].

Как показывают материалы полевых исследований, экзогамия преследовала практические цели: по мнению ингушей, экзогамные браки сплачивали представителей различных неродственных фамилий для мирного сосуществования.

Брак. Относительно брачного возраста ингушей нет единого мнения. Если мы обратимся к письменным источникам, то обнаруживаем очень разные сведения.

«Ингуши вступают в брак после 15-летнего возраста; девицы выходят замуж не моложе 14 лет», — писал В.Н. Акимов после поездки в 1886 г. в Ингушетию. Он также отмечал, что ингуши не обращают большого внимания на разницу в возрасте: «Молодой человек женится на гораздо старшей его годами девушке». При этом пояснял, что для ингуша важно, чтобы она была «опытной работницей» [Акимов 1888: 143]. Возраст, указанный В.Н. Акимовым, являлся допустимым по шариату. Б.К. Далгат, посетивший ингушей несколькими годами позже В.Н. Акимова, отмечал, что наиболее распространенный брачный возраст у ингушских девушек — 18–20 лет, «девочки по адату не должны выходить замуж ранее 18 лет; это делается для того, чтобы девушка выучилась самостоятельно вести хозяйство» [Далгат 1935: 45]. Впрочем, следует иметь в виду, что принятие ислама не накладывало вето на адаты, существовавшие в ингушском

обществе. В современном обществе в брак можно вступать с 18 лет, но значительная часть молодежи откладывает решение вопроса о брачном союзе до окончания вуза или обретения специальности. Чаще всего браки заключаются между молодыми людьми, достигшими 23–25 лет.

Основными формами заключения брака — *йиша-воша дар*, *маьрел дар*, *саг йоалаяр* — являлись сватовство — *ехар* и умыкание невесты — *саг йодаар*. Умыкание девушки с целью вступления в брак в народе не одобряется и калым — *урдув* — в этих случаях может быть гораздо выше, чем за засватанную девушку. Совершивший увод обязан платить за бесчестье, нанесенное семейству, из которого похищена девушка, если на то не было ее согласия. С этим обычаем ингуши борются на протяжении нескольких веков; еще в 1862 г. был принят «приговор» жителей Ингушского округа, который гласил, что «первым непременным условием брака полагается свободная воля и непринужденное согласие не одного лишь мужчины, но и женщины, выходящей в замужество» [Леонтович 1882: 162]. Сравнительно недавно, в июне 2010 г., в Ингушетии прошла конференция, где обсуждался этот злободневный вопрос — умыкание девушек; отмечалось, что по шариату женщина неприкосновенна и этот обычай унаследован из адатов ингушей. Здесь же был принят приговор, запрещающий кражу невест. Тем не менее умыкания все еще случаются.

Вступившие в брачный союз именуется мужем — *маар* и женой — *сесаг*. С периода вступления в брак термин *нус* обозначает невестку. Из него образуется слово *нускал* в значении ‘невеста’, ‘новобрачная’. Кроме того, термин *нус* обозначает жену сына, внука, правнука, жену племянника, а термин *нейц* — жениха, мужа родственницы, зятя.

Женщина после замужества становится членом общины мужа, но по-прежнему остается членом своего тайпа [Мамакаев 1973: 23]. Несмотря на изменение фамилии в паспорте, она по-прежнему будет принадлежать к своему *тайпу* и своей фамилии — *тайпан ци*. Муж несет ответственность за жену перед ее родственниками, и в случае ущемления ее прав в замужестве на ее стороне будет ее тайп. Когда у ингушки спрашивают, к какому *тайпу* она относится, она называет девичью фамилию и добавляет новую — по мужу.

Все родственники и родственницы мужа обозначаются термином *маьрцӀей* (дословно: ‘из дома мужа’). Все родственники

жены по отношению к ее супругу будут именоваться *утцей* — ‘из дома жены’.

Для ингушского языка характерны ТР, состоящая из двух основ: *маър-да* — ‘свекор’, *маър-нана* — ‘свекровь’, *уст-да* — ‘тесть’, *уст-нана* — ‘тёща’. Бытует обряд пожизненного избегания зятем тещи. Невестка также должна соблюдать определенный этикет поведения с родственниками мужа. Она может разговаривать с родителями мужа после специального обряда *мотт бастар* (буквально ‘развязывание языка’), но, как и зять, не может упоминать имен родителей мужа. Кроме того, невестке не подобает упоминать имен братьев и сестер мужа, братьев и сестер родителей мужа [Оздоева 2007: 63].

Говоря о СР, нельзя обойти вниманием и старинные обычаи, такие как левират — *нус юхаерзаер* (когда вдова покойного выходит замуж за одного из его братьев или близких родственников) и сорорат — *йиша юхаерзаер* (когда вдовец женится на сестре покойной жены) [Гаджиева 1967: 27]. В ингушском обществе еще в XIX в. существовали подобные брачные союзы. Б.К. Далгат писал об этом так: «Когда жена умрет, то вдовцу можно жениться на сестре умершей жены своей, чтобы за детьми лучше смотрела, ибо другая мачеха плохо бы к ним относилась; ради детей, оставшихся от брата, брат может жениться на жене брата (прежде это бывало чаще, нежели теперь); брат умершего не обязан взять вдову; это считается не очень хорошим делом, допускается это по адату ради детей. При этом ей дается $\frac{1}{2}$ калыма при браке, а не целый калым» [Далгат 1935: 63]. Такой брак заключался в редких случаях и не находил одобрения в народе.

Многोजенство. Одной из форм брачных отношений была в прошлом и бытует в настоящем полигиния. Б.К. Далгат сообщал, что многोजенство было распространено в ингушском обществе еще до принятия ислама. Чаще всего заводили себе вторых и третьих жен богатые люди, имевшие большое хозяйство, т.к. одна женщина была не в состоянии справиться со всеми лежавшими на ней обязанностями. Вторую жену брали и в тех случаях, если первая была бездетна [Далгат 1929: 57].

По местным адатам и шариату разрешается жениться до четырех раз. Этим правом мусульманина руководствовался Президент Республики Ингушетия Р.С. Аушев, издавший 19 июля 1999 г. указ, позволявший до четырех раз государственную регистрацию брака в Республике Ингушетия гражданам мужского

пола с лицами женского пола, не состоящими в браке [Патиев 2007: 331]. Хотя на государственном уровне вопрос не был решен, основываясь на упомянутом выше указе, в Ингушетии многие мужчины официально обзавелись несколькими женами — *энгар* (дословно ‘соперница, другая жена мужа’). Несогласные жены разводились — *саг йитар* — с прежними мужьями, не желая жить с мужем, который привел вторую или третью супругу. Спустя пять с половиной лет, 16 февраля 2006 г., законом Республики Ингушетия № 11-РЗ этот указ был отменен [Там же], а все спорные вопросы, связанные с бракоразводными процессами такого характера, решаются только в шариатском суде, т.к. нет правовой базы и все вопросы находятся в ведении шариатского суда [ПМА 2010].

Испокон веков в ингушском обществе было негативное отношение к разводу. Ингушские адаты и шариат в этом совпадают, т.к. главная ценность и той, и другой правовой системы — брак. Развод — не богоугодное дело. В ингушском обществе развод может быть совершен как по желанию мужа, так и по желанию жены, в этом местные адаты и шариат совпадают. Супруга имеет право требовать развода, если на то есть веские причины, такие как жестокость мужа, невыполнение супружеских обязанностей и т.п. В этих случаях мусульманский суд расторгает брак [Кок Коз 2004: 262].

При разводе дети, рожденные в совместном браке, оставались в семье отца, мать не имела никакого права требовать их от мужа по адату. Однако в современной Ингушетии, где все местное население исповедует ислам, закон на стороне женщины, т.к. по шариату ребенок до семи лет должен оставаться с матерью, а после достижения указанного возраста он имеет право выбора, с кем из родителей проживать.

Разведенная женщина обозначается термином *йита саг* (буквально ‘оставленная’). Овдовевшую женщину называют *йуса саг* — ‘оставшаяся после смерти мужа’.

Рождение детей. Благополучие семьи определяется не только материальными благами, но и наличием в семье детей мужского пола — *кьянк*. Семья считалась благополучной, если в ней было много детей, желательного мужского пола: «Мальчик как мужчина и продолжатель рода считался более желательным, нежели девочка» [Далгат 1929: 67]. Рождение девочки — *йииз* не драматизируется, однако, когда в семье рождается много

девочек, их нарекают такими именами: Цаэш — «Не нужна», Тойита — «Хватит, Достаточно», Сацита — «Остановись, Прекрати».

В ингушской лексике к терминам прерванного и приобретенного родства относятся: *даь сесаг* — ‘мачеха’, *маьр йои* — ‘падчерица’, *маьр вои* — ‘пасынок’, *бо* — ‘сирота’, *бижж* — ‘незаконнорожденный’, *жеро* — ‘вдова’. Кроме того, есть понятия «сводный брат», «сводная сестра», т.е. приходящийся кому-либо братом или сестрой по отчиму или мачехе. Но нет специальных терминов, обозначающих эти понятия, поэтому называют описательно: сводный брат по отцу — *даьна ваь воша*, сводная сестра по отцу — *даьна яь йиша*, сводный брат по матери — *нанас ваь воша*, сводная сестра по матери — *нанас яь йиша*.

В заключение хочется отметить, что данная статья является лишь начальным этапом изучения СТР ингушей. Для продолжения работы требуются дополнительные материалы.

Акимов 1888 — *Акимов В.Н.* Свадебные обычаи и обряды чеченцев и ингушей // Сборник материалов по этнографии. М., 1888.

Алироев 1978 — *Алироев И.Ю.* Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Арсамаков 2003 — *Арсамаков Б.И.* Ингушские фамилии и имена. Очерки истории. Назрань, 2003.

Ахриев 1978 — *Ахриев Ч.* Заметки об ингушах («О характере ингушей», «Присяга у ингушей», «Об ингушских женщинах», «Ингушские каши») // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 276–290.

Бутинов 1999 — *Бутинов Н.А.* Экзогенное родство // АР-4.

Гаджиева 1967 — *Гаджиева С.Ш.* Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967.

Далгат 1929 — *Далгат Б.* Материалы по обычному праву ингушей. Владикавказ, 1929.

Далгат 1934 — *Далгат Б.К.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингушского НИИ. Владикавказ, 1934. Вып. II.

Далгат 1935 — *Далгат Б.* Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом // Изв. Ингушского НИИ краеведения. Орджоникидзе; Грозный, 1935.

Далгат 1989 — *Далгат Б.К.* Материалы по обычному праву ингушей // Многоликая Ингушетия / сост. М.С-Г. Албогачиева. СПб., 1998.

Дешериев 1963 — *Дешериев Ю.И.* Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и исторического развития горских кавказских языков. Грозный, 1963.

Джавахадзе 1968 — *Джавахадзе Н.В.* Термины родства у ингушей // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.

Дзарахова 2010 — *Дзарахова З.М.-Т.* Традиционный свадебный обряд и этикет ингушей. Ростов н/Д, 2010.

Итониашвили 1968 — *Итониашвили В.Дж.* Пережитки семейной общины в Горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968.

Кок Коз 2004 — *Кок Коз М.* Развод по инициативе жены // Любовь и секс в исламе. М., 2004.

Куркиев 1986 — *Куркиев А.* Основные вопросы лексикологии ингушского языка. Грозный, 1986.

Кудусова-Долакова 2005 — *Кудусова-Долакова Ф.И.* Семья и семейный быт ингушей (конец XIX — начало XX в.). Ростов н/Д, 2005.

Леонтович 1882 — *Леонтович Ф.И.* Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I.

Мальсагов 2004 — *Мальсагов Х.С.-Г.* Происхождение ингушских фамилий, тейповых общин и роль ингушского языка в языковой семье мира. Ингушетия, 2004.

Мамакаев 1973 — *Мамакаев М.А.* Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973.

Оздоева 2007 — *Оздоева Э.Г.* Лексика родства в ингушском языке. Магас, 2007

Патиев 2007 — *Патиев Я.* Хроника истории ингушского народа. Махачкала, 2007.

Харадзе, Робакидзе 1968 — *Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.* Характер сословных отношений в горной Ингушетии // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968. С. 127–139.

Харузин 1888 — *Харузин Н.Н.* Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей // Сборник сведений о Терской области. М., 1888.

Яковлев 1925а — *Яковлев Н.Ф.* Проблемы изучения культуры чеченцев и ингушей. М., 1925.

Яковлев 1925б — *Яковлев Н.Ф.* Ингуши. М.; Л., 1925.

Яковлев 1930 — *Яковлев Н.Ф.* Термины «мать-отец», «сестра-брат», «дочь-сын» в северокавказских яфетических и некоторых других языках // Уч. зап. Ин-та этнографии и национальной культуры Востока. М., 1930. Т. 1–2.